

Путешествие поневоле

1995. - 14 ноября. - С. 5.

Он начал печататься еще перед войной, написал во время войны ставшую народной песню «Вот солдаты идут по степи опаленной», после войны — не менее популярный «Глобус». Поэт плодотворно работал на радио и создал за это время более трехсот песен. В 49-м году он был выброшен с «большой дороги» советской поэзии на обочину только потому, что у него случайно обнаружился репрессированный дядя, о существовании которого Львовский даже не подозревал.

Но вот, казалось бы, закончилась сталинская эпоха, и поэт Львовский получил возможность работать уже как драматург, пьесы которого нарасхват в театрах. В 1959 г. принят в Союз писателей. Но нет! Сталин ушел, а сталинизм остался, и в 63-м Львовский вновь разгромлен и запрещен — за то, что смеет писать слишком вольно, от души, не согласуясь с коммунистической идеологией.

«Проскочил» Михаил Григорьевич только в кино, — как автор сценариев фильмов «Я вас любил», «Точка, точка, запятая», «Это мы не проходили», «В моей смерти прошу винить Клаву К.» (Государственная премия). Расчет был верный: разве мы обращаем внимание, по чьему сценарию поставлен фильм? Так имя поэта и драматурга Михаила Григорьевича Львовского осталось неизвестным широкой советской публике.

Недавно в старой записной книжке Михаила Григорьевича случайно нашлось стихотворение, запечатлевшее состояние автора в те «разгромные» годы:

Нет, на судьбу я не в обиде;
Несостоявшийся поэт,
Я ослепительный эпитет
К эпохе сталинских побед.
Со словом счастье ставьте рядом,
И под кремлевскую звезду —
Не надо мучиться, не надо,
Поверьте мне, не подведу.
Я так эпохой той отмечен,
От немоты так изнемог,
Что стих любой увековечу,
Попав в одну из ваших строк.

Стихи Михаила Григорьевича никогда нигде не печатались, не только из-за запрета, но и из-за сверхскромности автора. Только незадолго до его смерти издательство «Вагант» при музее Высоцкого стало готовить сборник стихов Львовского. Получив сигнальный экземпляр в день своего 75-летия, тяжело больной Михаил Григорьевич только и сказал: «Посмертно...». К сожалению, действительно сборник вышел уже после смерти поэта Львовского.

Мне хочется познакомить читателей «Вечерки» с историей создания трех самых популярных песен Михаила Григорьевича, вошедших в этот сборник.

Песня «Вот солдаты идут по степи опаленной, тихо песню поют про березки да клены...» появилась во время войны по просьбе политрука части, где служил Михаил Григорьевич (в Иране), потому что солдаты в строю пели белогвардейскую песню со словами «...и красотки им вслед нежно ручками машут...». Михаил Григорьевич написал другие слова, и они пелись на тот же мотив, пока не попали к Кириллу Молчанову «с подачи» артиста Николая Александровича. Молчанов тут же сочинил мелодию, с которой песня приобрела широкую популярность.

У песни «Глобус» — своя история. В самом на-

«...Поверьте мне:

Год назад ушел из этой жизни Михаил Григорьевич Львовский, поэт и драматург, на судьбе которого коммунистическая эпоха оставила свой коварный след.

не подведу»

М.Львовский

"ВАГОНЧИК ТРОНЕТСЯ -
ПЕРРОН ОСТАНЕТСЯ..."

СТИХИ

чале войны Михаил Григорьевич вступил в 22-й истребительный батальон, который патрулировал закрепленные за ним объекты в центре Москвы. 22 июля самолеты противника сбросили «фугаску», она разорвалась у Центрального телеграфа, Михаил Григорьевич был контужен. Спустя месяц его направили в Ташкентское пехотное училище, а затем с нашими войсками — в Иран. Там в окопе на учебном полигоне он как-то пропел песенку Михаила Светлова «...и тогда под звуки мандолины мы уйдем с тобой в туман долины...», которая осела в памяти его друга-однополчанина, будущего режиссера и актера Николая Викторовича Александровича. После войны Александрович попросил Львовского написать на эту мелодию песенку для своего героя в дипломном спектакле, который, по замыслу режиссера, выходил с глобусом в руках. Так родилась песня «Глобус»: «Я не знаю, где встретиться мне придется с тобой. Глобус крутится-вертится, словно шар голубой...

И мелькают города и страны, параллели и меридианы, но нигде еще пунктиров нету, по которым нам бродить по свету». Песня состояла всего из двух строк, остальные двадцать — это уже народное творчество.

А вот песне «На Тихорецкую...» пришлось попутешествовать. Песню пела героиня пьесы Михаила Григорьевича «Друг детства». Ее ставили в Москве: в «Современнике» — режиссер Виктор Сергачев с музыкой Микаэла Таривердиева и в «Ленкоме» — Ролан Быков с музыкой Геннадия Гладкова. Вот эту пьесу и разгромила идеологическая комиссия ЦК во главе с Ильичевым как идейно вредную, порочащую нашу молодежь и Советскую Армию. Спектакль был тут же снят с репертуара в обоих театрах.

Но народ «На Тихорецкую...» уже запел. В Москве ее чаще пели с музыкой Таривердиева, в Ленинграде — Гладкова.

Через несколько лет Микаэл Леонович ввел песню в дипломный спектакль-оперу выпускного курса ГИТИСа, который ставил Борис Покровский по романам Василия Аксенова «Апельсины из Марокко» и «Пора, мой друг, пора». Опера называлась «Кто ты?». Но и здесь песне не повезло: когда накинудись на Аксенова, заодно запретили и оперу.

Однако песню продолжали петь. И наибольшей популярностью она пользовалась в исполнении Владимира Высоцкого.

При первой встрече с Высоцким Михаил Григорьевич спросил его: «Владимир Семенович, а вы знаете, что поете мою песню?» — «Какую?» — «На Тихорецкую...» — «Так, значит, вы — Львовский!». Высоцкий встал и стоя спел песню под гитару. Присутствующие зааплодировали.

Когда еще через несколько лет Эльдар Рязанов стал готовить фильм «Ирония судьбы», он пригласил Микаэла Таривердиева написать туда музыку. «Мне бы хотелось, чтобы в фильме была и такого типа песенка», — и поставил послушать «На Тихорецкую...» в исполнении Высоцкого. «Это же моя песня!» — воскликнул Микаэл Леонович. Так она попала в этот фильм и, поскольку его еще не запретили, живет в нем уже больше двадцати лет.

Лариса СИМАКОВА

Чужая душа — потемки,
Моя — потемков темней,
Долго будут потомки
Копаться в душе моей.
Почесывая затылки,
Сосчитают, сколько любил,
Перенюхают все бутылки,
Из которых я водку пил.
И в сути самой разувьрься,
Чтоб вновь обрести покой,
Кто-нибудь скажет: «Ересь,
Вовсе не жил такой».
И прекратят раскопки,
И сядут они отдохнуть
У самой маленькой тропки,
А это — мой жизненный путь.
Потомки, не надо покоя,
Продолжайте вот здесь копать;
Я жил и я видел такое,
Не дай вам Бог увидеть...
Тропинка крутая, с обрывами,
Конец мне казался далек,
Ведь «пауза между взрывами
Для жизни достаточный срок».